

**МАКСИМ
ВОЛОШИН**

**ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ**

*«Разведчики неизменно были глазами и ушами армии.
Но в Восточной Пруссии они зачастую становились
и своего рода кулаком, который наносил удар по врагу»*

ЗДРАВСТВУЙ, ГРУ

**КАК ВОЙНА
ДЕЛАЕТ
РАЗВЕДЧИКОВ**

*«...главные силы армии должны были перейти границу
Маньчжурии в 4 часа 30 минут утра 9 августа.
Но разведгруппы начинали действовать значительно раньше...»*

Моя война

Максим Волошин

**Здравствуй, ГРУ. Во
главе разведки армии от
Ржева до Порт-Артура**

«Алисторус»

1981

Волошин М. А.

Здравствуй, ГРУ. Во главе разведки армии от Ржева до Порт-Артура / М. А. Волошин — «Алисторус», 1981 — (Моя война)

ISBN 978-5-00222-682-5

Без разведки армия слепа. Автор этой книги сделал все, чтобы этого не случилось. В тяжелейшее лето 1942 года, он, тогда еще молодой подполковник, был направлен из центрального аппарата ГРУ в новую 39-ю армию и сразу же оказавшись в Ржевской мясорубке сумел наладить своевременную добычу информации о противнике. Затем были освобождение Смоленска, Витебска, бои в Прибалтике и Восточной Пруссии, взятие Кенигсберга и наконец бросок через Большой Хинган к Порт-Артуру. В своих воспоминаниях он рассказывает об организации войсковой разведки на этом боевом пути, действиях поисковых групп в тылу врага, мужеству, находчивости, инициативе и смелости разведчиков при захвате «языков». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-00222-682-5

© Волошин М. А., 1981

© Алисторус, 1981

Содержание

От автора	6
На Верхней Волге	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Максим Волошин
Здравствуй, ГРУ. Как
война делает разведчиков

Моя война

© Волошин М., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

От автора

Помню, недели за две до начала Великой Отечественной войны проходил я по улице Горького в Москве. В витрине одного из газетных киосков мое внимание привлекла брошюра под названием «Разведчики». Она была выпущена издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в серии «Военная библиотечка комсомольца». И хотя возраст мой уже перешагнул комсомольский, я все-таки купил эту книжечку.

Должен сказать, что первые же строки предисловия, написанного героем гражданской войны И.В. Тюленевым, глубоко взволновали меня. Лаконично, предельно точно формулировал он задачи войсковой разведки, рассказывал, какие требования предъявляются к тому, кто хочет стать разведчиком.

«Говорить о том, как важна для армии разведка, – значило бы говорить азбучные истины, – писал генерал армии И.В. Тюленев. – Только та армия действительно боеспособна, которая хорошо и всегда знает, что делает её противник, больше того, что он собирается делать.

Видеть, знать то, что происходит в расположении противника, мы должны во что бы то ни стало. Если мы будем осведомлены о передвижениях врага, о его намерениях, наше командование получит возможность сосредоточить свои силы в нужное время и нужном месте – это в равной мере задача и всей армии, и самых маленьких её подразделений.

Разведка – важнейший и ответственный вид боевой деятельности войск. Она требует от бойца высшего напряжения его физических и моральных качеств. Человек, испытанный в разведке, может считаться выдержавшим высший, наиболее сложный экзамен, которому только можно подвергнуть бойца».

С большим интересом прочитал я эту брошюру. Но признаюсь честно, в те минуты мне и в голову не приходило, что в скором времени война накрепко свяжет меня с войсковыми разведчиками. Мог ли я думать, что многие из этих отважных, несгибаемых парней станут моими друзьями? Мог ли я рассчитывать, что нам будет суждено вместе шагать по трудным фронтовым дорогам? А ведь получилось именно так.

Более трех десятилетий миновало с тех пор, как отгремели последние залпы жесточайшей войны. А в памяти вновь и вновь встают картины былых сражений, мужественные лица живых и тех, кто погиб, защищая Отечество. Быть может, забылись какие-то частные события. Что поделаешь, время берет свое. Но имена и дела тех, кто всегда шел впереди, не могут, не должны быть забыты.

Именно эта мысль и заставила меня взяться за перо. Встречаясь и беседуя с товарищами военных лет, с нашей замечательной молодежью, обращаясь к архивным документам, я все чаще стал размышлять о том, что, рассказывая о прошлом, нужно смотреть в будущее. Мир должен быть сохранен и упрочен – этому учат нас уроки истории.

И мне подумалось, что, быть может, рассказ о трудных испытаниях минувшей войны поможет лучше осознать свой долг тем, кто служит сейчас в армии и на флоте и кто еще только готовится занять свое место в строю защитников Отчизны. Если читатель найдет в этой книге что-то полезное для себя, если специальность войскового разведчика покажется ему увлекательной, я с удовлетворением буду считать: задача, которую я ставил перед собой, выполнена.

На Верхней Волге

Мой первый рапорт с просьбой направить на фронт был отклонен. Однако я упорно продолжал настаивать на своем. И вот наконец летом 1942 года вопрос был решен положительно. Меня назначили на должность начальника разведки 39-й армии. Оформив соответствующие документы, получив предписание, я тут же выехал из Москвы.

Дни перед отъездом, и это вполне естественно, выдались на редкость хлопотными. Поэтому, устроившись кое-как в вагоне, я мечтал лишь об одном: поскорее заснуть. Но не тут-то было.

Меня одолевали тревожные мысли. Нет, они порождались не страхом. По долгу службы я и раньше выезжал на фронт. Приходилось бывать и под бомбежкой, и под обстрелом. И никогда не задумывался, суждено ли живым и невредимым вернуться домой. Теперь же наплывали мысли иного рода: как встретят в штабе армии? Удастся ли быстро установить контакт с людьми? Позволит ли обстановка спокойно войти в курс дела?

Под утро я все-таки задремал. Но вскоре меня разбудили отрывистые гудки паровоза. Состав то резко тормозил, то вновь набирал скорость. А слева и справа от железнодорожного полотна гремели взрывы авиационных бомб. К счастью, фашистские самолеты не причинили вреда эшелону. Видимо, машинист не первый раз попадал в подобные переделки и умел искусно маневрировать под бомбежкой.

Благополучно добрались до станции Селижарово. Впрочем, станции как таковой не было. Лишь печные трубы, сиротливо торчавшие кое-где, да груды битого, закопченного кирпича увидели мы там, где когда-то стоял вокзал, были склады, жилые дома. Неподалеку от железнодорожных путей командиров, прибывших для пополнения частей и подразделений армии, ждали грузовые автомашины.

– Быстрее грузитесь, товарищи! – поторапливали нас водители. – Не ровен час, снова прилетят...

Медленно ложились под колеса километры ухабистой лесной дороги. Казалось, никогда не будет ей конца. И еще казалось, что нет здесь никакого фронта. Тишина нарушалась только мерным гулом моторов. Но ветви деревьев, которыми были замаскированы кузова и кабины автомашин, упрямо напоминали, что война затаилась где-то совсем рядом.

В густом лесу я разыскал штаб 39-й армии, которая в то время находилась во втором эшелоне войск Калининского фронта. Комендант штаба, тщательно проверив мои документы, указал дорогу к блиндажам, в которых располагались разведчики.

– Только подполковника Петрищева, который временно исполняет ваши обязанности, сейчас нет, – предупредил он. – Выехал в одну из дивизий.

В первый момент эта весть огорчила меня. Хотелось немедленно включиться в работу. Однако я вовремя вспомнил, что прежде всего, разумеется, нужно представиться по всей форме начальнику штаба армии.

Полковник Павел Федосеевич Ильиных сразу же принял меня. Он крепко пожал руку, усадил на стул и попросил коротко рассказать о себе. Не знаю, может, обстановка, к которой я не привык, давала о себе знать, может, что другое мешало, но, помнится, чувствовал я себя скованно. Поэтому и ответы мои звучали как-то по-анкетному: рядовой, командир отделения, помощник командира взвода, курсант военно-политической школы, политрук, командир роты... В 1940 году закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Потом занимался войсковой разведкой, служил в Генеральном штабе Красной Армии.

– Вот и хорошо! Значит, некоторый опыт в этом деле уже есть. Послушайте, – полковник Ильиных пристально посмотрел на меня, – а ведь мы с вами уже где-то встречались. Не в академии ли? Да? Что же вы сразу не сказали?

– Вроде бы неловко напоминать. Вы были преподавателем, а я слушателем.

Павел Федосеевич рассмеялся. И тут же вновь стал серьезным.

– Что ж, в какой-то степени понимаю вас. Вы – учились, я – учил. А вот экзамен, самый сложный и строгий экзамен, будем, как видите, держать вместе. Поэтому уж не осудите за назойливость, расскажите и о своей жизни до начала службы в армии.

Назойливость... Какая же тут назойливость? Я прекрасно понимал стремление Павла Федосеевича узнать обо мне как можно больше. Война – это не совместная прогулка за город. О человеке, с которым пойдешь в бой, нужно знать все. Только что я мог рассказать ему?

Сказать по правде, жизнь моя была мало чем примечательна. Родился в Царской Слободе, что под самыми Черкассами. Еще в детстве узнал, что такое крестьянский труд. Бывало, с раннего утра до позднего вечера меришь шагами пашню, ведя за собой лошадей. И ноги уже словно налиты свинцом, и руки чуть ли не отнимаются. А ты все идешь и идешь, потому что нужно, потому что некому больше помочь старшему брату, который едва удерживает рукоятки тяжелого плуга.

Потом я работал на рафинадном заводе. В четырнадцать лет был коногоном на одной из шахт в Донбассе. Затем – рабочий каменного карьера. Довелось участвовать в строительстве Турксиба. Оттуда возвратился в Черкассы буквально за несколько дней до призыва в армию. Хорошей школой для меня стал комсомол. Сколачивали ячейки на селе, принимали участие в борьбе с кулаками. Уже в армии вступил в партию.

– Об остальном вроде бы я уже рассказывал, – закончил я.

– Самая что ни на есть трудовая биография, – задумчиво произнес полковник Ильиных. – Большинство из нас прошло такой путь...

Мне показалось, что в тот момент он подумал о собственном нелегком детстве. И, будто желая отвлечься от этих мыслей, полковник решительно поднялся и подвел меня к карте, испещренной разноцветными карандашными пометками.

– Ну а теперь ваша очередь слушать.

Павел Федосеевич обстоятельно рассказал об обстановке, сложившейся на участке фронта. 39-я армия должна была сменить 22-ю армию на рубеже, по которому проходила северная граница ржевско-вяземского выступа. Сейчас особенно активных боевых действий здесь не велось. Однако этому «аппендиксу» командование придавало большое значение. И не только потому, что отсюда лежал самый близкий путь к Москве. Тут были сосредоточены крупные силы фашистов. А это позволяло предполагать, что гитлеровское командование помышляет не только об обороне. При определенных условиях можно было ожидать нового рывка к столице.

В полосе, которую принимала теперь 39-я армия, линия фронта проходила по рекам Волга и Молодой Туд. На северных берегах этих рек, занимаемых нашими войсками, противник сохранял небольшие плацдармы. Хотя и невелики они были по размерам, но невольно приковывали внимание. Именно с них фашисты могли начать наступление, причем начать его внезапно, без предварительного форсирования водных преград. А в том, что силы у врага для этого есть, сомневаться не приходилось ни на минуту.

Еще до моего приезда, желая несколько улучшить положение группы армий «Центр», противник развернул наступательные действия против наших войск. И нужно сказать, как раз 39-я армия оказалась в наиболее сложной ситуации. Ее частям пришлось выходить из окружения. Благодаря мужеству бойцов и командиров, высокой организованности, достаточно четкому управлению отход удалось осуществить с минимально возможными потерями. Тем не менее части армии, несомненно, нуждались в отдыхе, пополнении людьми и вооружением. Потому-то я и нашел ее во втором эшелоне фронта.

– Как видите, – подвел итог полковник Ильиных, – обстановка довольно сложная. Более того, я бы сказал, запутанная. Замыслы противника недостаточно ясны. Вроде обороняется, но мы должны быть готовы к любым неожиданностям. – Он помолчал, пристально взгляды-

ваясь в карту, будто она могла сказать ему что-то новое. Затем вновь повернулся ко мне: – Перед нами поставлена задача: сменив 22-ю армию, прочно удерживать занимаемые рубежи. Кроме того, частными операциями в недалеком будущем предстоит ликвидировать злополучные плацдармы. Отсюда, естественно, вытекают и задачи разведки: нужно все знать о противнике, его планах, замыслах. А вот что конкретно следует предпринять для этого – подумайте. Потом доложите свои соображения. Имейте в виду, что командование армии придает разведке первостепенное значение.

Что ж, я и сам прекрасно понимал, какую роль играет войсковая разведка. История военного искусства не раз подтверждала, что победа в сражениях может быть одержана и над превосходящими силами противника, если известны его слабые места, намерения, планы. И напротив, действовать вслепую – значит поставить свои войска под удар, обречь их на серьезные потери.

Первый год Великой Отечественной войны целиком и полностью подтвердил эти непреложные истины. Мало того, маневренный характер военных действий, насыщение войск боевой техникой, резко возросшая огневая мощь подразделений и частей требовали от командования большой осмотрительности, глубокого и всестороннего знания обстановки, максимально точной оценки сил и средств противника. Только при этих условиях можно было принять верное решение, которое позволит одержать победу в бою.

Словом, и в давние времена, и в ходе Великой Отечественной войны перед войсковой разведкой ставилась принципиально одна и та же задача – заблаговременно раскрывать планы противника. Однако по причинам, о которых упоминалось выше, решать эту задачу становилось все трудней и трудней.

Разведке не приходится рассчитывать на получение в готовом виде оперативных или тактических документов и карт противника. Если такое и случалось, то чрезвычайно редко. Как правило, необходимая информация терпеливо собиралась по крупицам. В результате кропотливой работы по обобщению, сопоставлению и многократной перепроверке данных, поступающих из разных источников, постепенно удавалось установить состав вражеской группировки, места сосредоточения резервов, расположение огневых и подвижных средств.

Иной раз мне казалось, что работа разведчиков в той ее части, которая касается анализа и обработки информации, в какой-то мере напоминает процесс разгадывания кроссворда. Поначалу перед тобой – чистые клеточки. Но вот в некоторые из них легло первое слово. Теперь с известной степенью вероятности можно догадываться о тех словах, которые перекрещиваются с первым. Каждое «по вертикали» и «по горизонтали» перепроверяется. Порой то, что казалось абсолютно бесспорным, вдруг полностью опровергается. Нужно заново думать, заново искать. И так до тех пор, пока не разгадаешь весь кроссворд.

Разумеется, говорить можно лишь о чисто условном сравнении. Хотя бы потому, что неразгаданный кроссворд откладывается в сторону и забывается. Разведчик же, как бы ему трудно ни приходилось, обязан доводить дело до конца. Мало того, в процессе его работы непрерывно появляются новые и новые чистые «клеточки», которые непременно нужно заполнить. За ними, быть может, стоят жизни сотен людей, судьба боя, а то и целого сражения.

Итак, задача, поставленная начальником штаба армии, была как будто ясна: знать о противнике все. А вот что практически предпринять для этого, еще предстояло уточнить. Конкретные планы ведения разведки должны были опираться на реальные возможности войск, учитывать характер местности и боевых действий, бесчисленное множество других разнообразных факторов. С чего же целесообразно начать работу?

Первые дни ушли на ознакомление со структурой разведотдела армии и его сотрудниками. Отдел имел в своем составе два отделения: войсковой разведки и информационное.

Отделение войсковой разведки возглавлял капитан Алексей Николаевич Антонов, опытный штабной работник. Его помощником был майор Никита Андреевич Пантелеев. На них возлагались подготовка общего плана разведки, указаний на разведку соответствующим штабам, контроль за точным выполнением отданных распоряжений, оказание помощи разведывательным подразделениям частей и соединений.

Немногочисленным было и отделение информационное. Начальник – старший лейтенант Иван Максимович Дийков, его помощник – лейтенант Михаил Денисович Кишек. Кроме них в штате отделения состояли переводчик лейтенант Николай Михайлович Юдашкин, чертежник сержант Анатолий Кузнецов. Последний, естественно, часто трудился в интересах всего отдела.

В информационное отделение стекались разведывательные данные из соединений и частей армии. Сюда же в порядке взаимного обмена поступали разведсводки от соседей, дополнительные сведения о противнике из штаба фронта, а иногда и из Главного разведывательного управления Красной Армии. Все эти документы предстояло тщательно проанализировать, сделать из них окончательные выводы, на основе которых строились планы командования.

Сотрудники разведотдела армии в большинстве своем были молодыми. Почти все они пришли в штаб армии одновременно со мной. Но, несколько забегаю вперед, скажу, что в боевой обстановке у нас довольно быстро сложился дружный коллектив. В этом немалая заслуга принадлежала комиссару разведотдела Александру Степановичу Рожкову. Он исключительно тонко строил свою работу с людьми, был чутким и внимательным товарищем. Мы с первых дней научились понимать друг друга.

Весьма полезной была для меня беседа с подполковником Иваном Андреевичем Петрищевым, который до моего прибытия исполнял обязанности начальника разведки армии. Его, к сожалению, вскоре отозвали от нас в разведотдел штаба Калининского фронта.

Наши первые беседы носили несколько односторонний характер. Иван Андреевич рассказывал, а я внимательно слушал его, лишь изредка задавая уточняющие вопросы, делая пометки в тетради или на карте, лежавшей передо мной на столе. Говорил Петрищев горячо, увлеченно, то и дело откидывая со лба нависший чуб. Закурив папиросу, он через минуту забывал о ней и вынимал из пачки следующую. Если он был в чем-то твердо уверен, то голос его звучал убежденно, звонко. Если же были сомнения, сейчас же появлялись мягкие, вопросительные нотки. Продолжая рассказывать, он как бы спрашивал: «А что вы думаете по этому поводу?» Словом, из этих бесед мне стало понятно, что передо мной знающий, думающий, влюбленный в свое дело человек.

От подполковника Петрищева я узнал, что 39-я армия, находясь во втором эшелоне фронта, получила и продолжает получать пополнение. За счет новичков проводилось доукомплектование и разведывательных подразделений, которые имелись во всех частях и соединениях. Сюда отбирались физически крепкие, морально устойчивые, наиболее развитые и подготовленные бойцы и командиры. Предпочтение отдавалось тем, кто уже имел фронтовой опыт. И такой тщательный отбор был вполне оправдан.

На войне трудно всем: и пехотинцам, и артиллеристам, и танкистам, и связистам. Но они, как правило, действуют сообща, в составе своих подразделений и частей. У разведчиков положение иное. Ответственнейшие задания они выполняют небольшими группами, а порой и в одиночку. В любую секунду может произойти встреча с врагом, которая потребует исключительной выдержки, максимального напряжения физических и моральных сил, мгновенной реакции, разумной хитрости, находчивости. И думается, неспроста слова «С ним бы я пошел в разведку» до наших дней звучат как самая высокая похвала.

Слушая подполковника Петрищева, я сразу же обратил внимание на одно обстоятельство: в разведывательных подразделениях около шестидесяти процентов новичков. Как они готовятся к предстоящим действиям?

– Как готовятся? – переспросил Иван Андреевич, машинально закуривая очередную папиросу. – С первых же дней начались занятия по боевой и политической подготовке. Особое внимание уделяется приобретению навыков ориентирования на местности, овладению различными способами разведки, стрельбе из личного оружия, приемам рукопашного боя.

– Но ведь для того, чтобы постигнуть все это, потребуется немало времени. А его у нас, насколько я понимаю, совсем мало.

– Думаю, что все будет в порядке, – успокоил меня Петрищев. – Я не совсем точно выразил свою мысль. Правильней говорить о совершенствовании выучки, чем о приобретении начальных навыков. Ведь отбирали лучших из лучших.

Обстоятельные беседы с подполковником Петрищевым помогли мне довольно быстро уяснить обстановку. Я до сих пор от души благодарен ему за это. Разговоры с ним, изучение штабных документов позволили сделать вывод, что на данном этапе первостепенное значение приобретает организация непрерывного наблюдения за противником.

В дни, когда происходила скрытная смена частей на переднем крае, я с группой офицеров побывал на наблюдательном пункте 22-й армии. Меня интересовало, как организована связь с наблюдательными пунктами дивизий, со штабом армии. С моей точки зрения, она требовала некоторых усовершенствований. Передача данных о противнике должна производиться без промедления, иначе они в той или иной мере потеряют свою ценность.

С помощью стереотрубы и биноклей мы внимательно осмотрели раскинувшуюся перед нами местность. Леса, болота, небольшие холмы – все казалось нам пустынным, безлюдным. Но это было совсем не так.

В условиях более или менее стабильной обороны каждая из противоборствующих сторон стремится как можно лучше укрыть людей, боевую технику. Окопы, блиндажи, ходы сообщения, огневые точки, позиции артиллерии и минометов тщательно маскируются. Солдаты и офицеры в светлое время суток передвигаются только скрытно. Так что заметить какие-либо перемены в ходе одноразового, кратковременного наблюдения чрезвычайно трудно. Лишь опытный разведчик, да и то если он удачно выберет наблюдательный пункт, если будет ежедневно проводить на нем долгие часы, способен добыть необходимую информацию.

Выслушав мой доклад, командующий 39-й армией генерал-майор А.И. Зыгин приказал командирам соединений и начальникам дивизионных разведок лично проследить за выбором и оборудованием наблюдательных пунктов, отобрать для непрерывного наблюдения разведчиков с особо острым зрением и тонким слухом. Благодаря этому уже в период смены частей сотни разведчиков в бинокли, перископы, стереотрубы следили за каждым шагом врага, выявляли его огневые средства, систему заграждений и укрытий.

Интересовало нас, в частности, и другое: замечают ли фашисты, что на данном участке фронта происходит смена армий? Эти сведения имели для нас немаловажное значение. Знать все не только о противнике, но и об информации, которой он располагает относительно наших частей, – это тоже входило в задачи войсковой разведки.

При всем желании я не имел возможности лично познакомиться со всеми разведчиками армии. Их было много, очень много. К тому же на войне состав их все время меняется. Однако с некоторыми из бойцов разведывательных подразделений мне довелось встретиться уже в первые дни. И вероятно, имеет смысл рассказать о лучших из них.

Хорошо запомнился мне разведчик 158-й стрелковой дивизии рядовой А. Коршун, который с удивительной находчивостью выбирал наблюдательные пункты. Как правило, он стремился подобраться как можно ближе к противнику, но так, чтобы к НП всегда был обеспечен скрытный подход. Где-то поблизости от Коршуна неизменно находился связной, который мог немедленно доставить в штаб полученные сведения, если они требовали срочного доклада. Было у этого разведчика какое-то особое чутье в отношении выбора объектов для наблюдения.

От небольшой деревеньки, занятой врагом, к выступавшему вперед углом лесу тянулась глубокая траншея. Что происходило в ней, для чего она предназначалась? Установить это было трудно. Вроде бы не пользуются ею фашисты. Но вот Коршун приметил, что только в одном месте нет-нет да и промелькнет голова в каске. Разведчик тут же сообразил, что по каким-то причинам траншея здесь несколько мельче. Сосредоточив свое внимание именно на этом отрезке, он убедился, что вражеские солдаты перемещаются по траншее, которая казалась заброшенной. Мало того, он сумел подсчитать, сколько человек и когда проходят в ту и другую сторону в течение дня. Мелочь? Отнюдь! Именно эти сведения помогли обнаружить два дзота, тщательно замаскированные на опушке леса, установить численность их гарнизонов.

Коршуну не раз удавалось обнаружить наблюдательные пункты противника, его огневые точки, позиции снайперов, на которые в скором времени обрушивался сокрушительный огонь наших орудий и минометов. И зачастую успех приходил к разведчику именно потому, что он, выражаясь его же словами, находил какие-то мелкие зацепки.

Расскажу еще об одном характерном случае. В течение довольно длительного времени на участке, где вел наблюдение Коршун, никак не удавалось захватить пленных. А его доклады свидетельствовали, что подразделение противника, державшее тут оборону, не сменялось. Откуда такая уверенность? После некоторых раздумий я решил сам побывать на месте.

И вот Коршун, которого вызвали в землянку, стал обстоятельно докладывать о результатах своих наблюдений.

Высокий, поджарый, с необычным прищуром внимательных глаз, он говорил неторопливо, солидно:

– Заметил я у блиндажа долговязого гитлеровца, на котором брюки не совсем обычного цвета – желтоватые какие-то. Вот и стал караулить его ежедневно. И сменщикам своим передавал, можно сказать, с рук на руки. Ребята его за эти брюки попугаем еще прозвали. А снайперов тоже попросил, чтобы не трогали этого приметного фрица...

Что ж, дальнейшая логика рассуждений разведчика была ясна. Если «попугай» на месте, значит, подразделение еще не сменилось. Дальнейшая проверка полностью подтвердила правоту разведчика.

Гитлеровцы, разумеется, прекрасно отдавали себе отчет в том, почему, допустим, на позицию артиллерийской батареи вдруг обрушивается шквал исключительно точного, поражающего огня. Все неприятности для врага начинались с разведчиков-наблюдателей. Поэтому фашисты всеми силами стремились обнаружить и уничтожить их. И тут опять на первый план выступала смекалка, находчивость, умение перехитрить врага.

Однажды гитлеровцам удалось засечь наблюдательный пункт разведчика А. Вениаминова. И сразу же по соседству начали рваться мины. Хорошо, что наблюдатель подготовил на всякий случай глубокую щель и успел укрыться в ней. Осколки так и свистели у него над головой. Но визуальную разведку нужно было продолжать. А местность была такова, что широкий обзор открывался только с того самого дерева, которое облюбовал Вениамидов. Как тут поступить?

Разведчик нашел прекрасный выход. Он соорудил чучело и с помощью веревки поднял его на дерево. Фашисты под смех наших бойцов целый день вели огонь по чучелу, принимая его за наблюдателя. Лишь позже они убедились в своей ошибке. На другой же день на ветвях вместо чучела уже сидел сам Вениамидов, на несколько километров в глубину просматривая вражескую оборону. Гитлеровцы не беспокоили его, считая, что мы продолжаем разыгрывать вчерашнюю комедию.

Данные визуального наблюдения, какими бы краткими и незначительными ни представлялись они на первый взгляд, давали нам ценнейшую информацию. На картах появлялись все новые и новые условные знаки, обозначающие места расположения огневых точек, дзотов, блиндажей и укрытий, надписи, свидетельствующие о том, что этот участок обороны занимают

такие-то части и подразделения. Однако визуальное наблюдение можно было вести только днем. Понимая это, противник многие перегруппировки совершал ночью.

В темную пору разведчики подбирались, насколько это было возможно, к окопам врага. И хотя увидеть что-либо удавалось редко, данные дневного наблюдения существенно уточнялись на слух. Что касается расположения огневых точек, то они легко обнаруживались по вспышкам выстрелов.

Много ночей провел в непосредственной близости от вражеских позиций сержант Н. Уваров. Он слышал разговор, стуки, шорохи. По ним разведчик составил приблизительное мнение о количестве солдат, находившихся перед ним в траншее. А однажды он доложил о том, что фашисты заканчивают сооружение нового дзота. В этот день я как раз находился в полку, где служил Уваров.

– Как же вы обнаружили новый дзот? – спросил я.

Сержант совсем по-мальчишески шмыгнул носом. Дескать, что за вопрос!

– Очень просто. Ночью, когда тихо, знаете как здорово слышно все! И вот где-то на порядочном расстоянии удары топора по дереву, потом визг пилы. Зачем, спрашивается, фрицам лес валить?

– Там, может, дрова для кухонь заготавливали?

– Не-ет! – с хитрецей протянул Уваров. – После того был слышен скрип повозок. Потом ругались. Должно, матерились по-своему. Потом – стук, бревна на землю скидывали у самого передка. Выходит, стройку затевают. А что тут строить? Не кинотеатр же?

– Наверное, баню затеяли строить, – с трудом сдерживая улыбку, подсказал я. – Баню, а ты говоришь – дзот.

На лице Уварова одновременно появились и огорчение, и удивление.

– Да вы что, товарищ майор? Кто же баню на передовой строит? Тут и так жару поддают. Вы бы стали строить ее у первой траншеи? Вот то-то и оно. А немец не глупее нас с вами.

Очень хотелось крепко обнять, расцеловать этого смышленного паренька, который каждую ночь подбирался почти к самым вражеским окопам, причем видел в этом обычную работу войскового разведчика.

А еще через несколько дней мы вновь получили от сержанта Уварова, пожалуй, еще более важные сведения. Он, как обычно, с наступлением темноты выдвинулся к переднему краю обороны противника. Вскоре после полуночи услышал приглушенные команды. Ему удалось различить силуэты солдат, которые выбирались из окопов, собирались группами и уходили в тыл. Почти одновременно такие же группы двигались навстречу им.

Когда донесение об этом поступило к нам в разведывательный отдел армии, мы серьезно задумались. Что происходит по ту сторону фронта? Обычная смена подразделений на переднем крае или какая-то перегруппировка войск вообще? Это имело существенное значение. В первом случае можно было предположить, что характер действий противника останется прежним. Во втором – можно было ожидать любых неприятностей. Не исключено, что фашисты создают где-то ударный кулак. Следовательно, нужно немедленно принимать контрмеры.

Мы собрались на короткое совещание в моем блиндаже.

– Нужны пленные, – высказал свое мнение старший лейтенант Дийков.

– Это самый верный путь, – поддержал его майор Пантелеев.

Да, что-либо другое было трудно придумать. И я тут же от имени начальника штаба армии приказал начальнику разведки 178-й стрелковой дивизии майору И. З. Кондаурову готовить поиск.

Поиск – это один из способов ведения войсковой разведки. Он предусматривает скрытный подход разведывательной группы к заранее намеченному и, чаще всего, в той или иной мере изученному объекту в расположении противника. На этот объект совершается внезапное нападение с целью захвата «языка», боевой документации.

Нужно сказать, что показания пленных служили для нас важным источником информации. Уже сам факт захвата немца с его солдатской книжкой имел большое значение. В ней записан номер воинской части, подразделения. А если пленный к тому же оказывается достаточно осведомленным и дает показания, то, как правило, удастся узнать много интересного. Вот почему разведывательные органы всегда стремились к захвату «языков». И разведчиков на фронте зачастую шутливо называли языковедами.

Захват «языка», особенно в период, когда боевые действия носят позиционный характер, – весьма трудное и опасное дело. Разведчики нередко оплачивали успех своей кровью. А случалось, к сожалению, и так, что кровь, гибель наших товарищей не приносили желаемого результата. Но в сложившейся ситуации нужно было идти на риск. Мы не имели права оставаться в неведении относительно ближайших планов противника. Требовались контрольные пленные, то есть пленные, которые дадут возможность удостовериться в правильности ранее полученных данных или опровергнуть их.

Мы с нетерпением ожидали вестей от майора Кондаурова. Несколько раз мне хотелось взять телефонную трубку и спросить у него, как идет подготовка поиска. Но я не делал этого. Излишняя спешка может привести к непоправимым последствиям. Ведь звонок в дивизию могли расценить как «палочку-подгонялочку». Нет, уж лучше набраться терпения и ждать. Кондауров и сам понимает, что медлить нельзя. Дорог каждый день, каждый час.

И все же я нервничал. Пробовал перебирать донесения, поступившие из соединений армии, наносить на рабочую карту последние данные, уточняющие обстановку, но из этого ничего не получалось. Никак не удавалось сосредоточиться. Решил было отдохнуть немного на раскладушке, стоявшей тут же в блиндаже, но через пять минут уже снова был на ногах. Наконец, не выдержав, я решительно протянул руку к трубке. И тут, словно только и дожидаясь этого жеста, тонко зазуммерил телефон.

– Готовы, – коротко отрубил майор Кондауров.

– Я буду у вас.

Мое присутствие в дивизии, конечно же, было совершенно не обязательным. И решение отправиться туда, откровенно говоря, пришло внезапно. Просто я понял, что дожидаться результатов поиска здесь, в штабном блиндаже, – выше моих сил.

Не стану подробно останавливаться на том, как я добирался до передовой. Путь был вроде бы и не очень долгий, но достаточно трудный. Вел он и через лес, и по открытым участкам, которые периодически простреливались противником. Но как бы то ни было, добрался я довольно быстро и благополучно. Майор Кондауров доложил, что к поиску готовы две группы. Одну из них, сформированную из бывалых разведчиков, возглавлял старший сержант В. Елычев. Детально ознакомив меня с конкретным планом поиска, он твердо добавил:

– Сегодня «язык» будет!

Поздно вечером, когда уже совсем стемнело, группа разведчиков покинула боевое охранение и бесшумно двинулась в сторону вражеских позиций. Мы с майором Кондауровым остались в окопе. Тишину нарушали лишь редкие выстрелы да короткие пулеметные очереди. Периодически в небе вспыхивали осветительные ракеты, и тогда кусты, трава, все вокруг озарялось таинственным, призрачным светом. Затем – снова непроглядный, еще более густой мрак.

Но мне казалось, что я вижу в нем наших разведчиков. Вот они осторожно ползут вперед, всем телом прижимаясь к матушке-земле. Вот они замирают на месте, дожидаясь, когда погаснет очередная «лампа», повисшая в небе. И в любой момент они готовы вступить в ожесточенный бой. Пока противник молчит. Значит, наши ребята не обнаружены. Пока не обнаружены...

Вижу, как майор Кондауров подносит ближе к глазам часы со светящимся циферблатом. Да, сейчас, если судить по времени, разведчики должны достигнуть проволочного заграждения. Теперь саперы, которые сопровождают их, обязаны выдвинуться вперед, сделать узкий

проход, обезвредить мины. И все это бесшумно, в полной темноте. Ни единого звука не доносится с той стороны. Лишь где-то слева, в стороне, опять начинает короткими очередями бить пулемет. Но это не страшно, фашисты, как водится, ведут дежурный огонь. Впрочем, и под случайную пулю можно попасть.

Кондауров, словно угадав мои мысли, тихо говорит мне в самое ухо:

– Не должно этого быть. Елычев этот участок отлично изучил. У него все бугорки и лощины на учете. Знает, где лучше укрыться.

И все-таки сердце тревожно стучит в груди. Наверное, было бы спокойней находиться там, с ними. Но в нашем положении остается одно: терпеливо ждать. Теперь уже я смотрю на часы. Такое впечатление, что они остановились. Но нет, вроде бы тикают, идут. Успокаивает лишь напряженная, тягучая тишина...

Я невольно вздрогнул, когда перед нами показались тени. Разведчики, тяжело дыша, один за другим скатывались в окоп. Бережно, точно драгоценный груз, опустили туда же пленного.

– Задание выполнено! – коротко отрапортовал Елычев.

Меня интересовали подробности. Как удалось захватить пленного? Пришлось ли менять первоначальный план или он до конца оставался в силе? Когда уже в землянке я стал расспрашивать обо всем Елычева, он растерялся. Плотный, быстроглазый, он сидел напротив меня и то и дело вытирал капельки пота, выступившие на лбу. Чувствовалось, что разговор со мной волнует его чуть ли не больше, чем сам поиск. Дескать, зачем уточнять детали да еще записывать все в толстую тетрадь?

Я поспешил успокоить старшего сержанта:

– Поймите, Елычев, что мне важно знать абсолютно все. Завтра в поиск пойдут другие разведчики, на другом участке. Судя по всему, им есть чему поучиться у вас. А если были ошибки, неувязки, то и о них говорите откровенно. Опыт на войне – великое дело.

– Ну, ежели так, товарищ майор, тогда слушайте и пишите, – оживился Елычев. – Значит, действовали мы, как и было задумано...

Наблюдая за гитлеровцами, разведчики установили, что ночью большая часть солдат уходит отдыхать в блиндажи. Лишь у пулемета остается дежурный расчет. На него-то и нацелилась группа старшего сержанта Елычева. Бесшумно преодолев проволочные заграждения, бойцы разделились. Двое остались на месте, для того чтобы в случае необходимости огнем автоматов прикрыть отход товарищей. Остальные, обтекая пулеметную точку справа и слева, двинулись ползком вперед. Практически одновременно прыгнули в пустую траншею и осторожно, стараясь не шуметь, пошли навстречу друг другу. Одного пулеметчика оглушили прикладом, второго пришлось прикончить.

– Подумал, что хватит и одного, – словно оправдываясь, потупился Елычев. – Может, и неправильно мы поступили, товарищ майор, но не хотелось рисковать напрасно.

А дальше разведчики заткнули пленному рот, связали его накрепко и поволокли к проходу в проволочном заграждении, у которого их дожидались саперы.

Закончив беседу с Елычевым и тепло поблагодарив его, я поспешил в соседний блиндаж, где тем временем допрашивали захваченного пленного.

– Молчит или из говорунов? – спросил я, опускаясь на ящик, заменявший стул.

– Вначале молчал, даже хамить пробовал. А сейчас дает показания по всей форме. – Предупреждая вопрос, который был готов сорваться у меня с языка, майор Кондауров продолжил: – Нет, и пальцем его никто не тронул. Это у нас не водится. Просто предупредили обер-ефрейтора, что если будет молчать, то снова свяжем и отнесем обратно в окоп к пулемету. Тут он мигом смекнул, что лучше здесь разговаривать, чем со своими офицерами объясняться.

Из документов, изъятых у пленного, и материалов допроса следовало, что батальон, в котором он служил, входит в состав 471-го пехотного полка. Именно эта часть сменила подразделения, находившиеся ранее на данном участке. Через переводчика я задал обер-ефрейтору

еще несколько вопросов. Он, часто моргая белесыми ресницами, торопливо отвечал, бросая испуганные взгляды то на меня, то на переводчика. Время от времени он вытирал рукавом слезы, бежавшие по впалым щекам.

– Вот дурак, – не выдержал кто-то из присутствующих, – радоваться надо, что для него война кончилась, а он слезы льет.

– Вас? – встрепенулся пленный, почувствовав, что речь идет о нем.

– «Вас, вас»! А ты теперь у нас, – рассмеялся майор Кондауров. – Переведите, что его сейчас накормят, а потом отправят в тыл.

Обер-ефрейтор радостно закивал головой.

Удача разведывательной группы, которую возглавлял старший сержант Елычев, конечно же радовала нас. Однако в ту ночь не обошлось и без огорчений. Я уже упоминал, что майором Кондауровым был подготовлен поиск и на другом направлении. И вот здесь разведчиков постигла неудача. Собственно говоря, ничего катастрофического не произошло, но тем не менее поставленную задачу они выполнить не сумели.

В действиях обеих групп было много общего. Так же благополучно удалось миновать заграждения и минные поля. Так же осторожно подобрался разведчик к объекту, где предполагалось захватить пленного, – к вражескому дзоту. Как и было запланировано, один из бойцов метнул гранату в чуть приоткрытую дверь. Его товарищи, едва прогремел взрыв, ринулись в дзот. Два солдата противника из числа находившихся там были убиты, третий сдался, не оказав никакого сопротивления.

Казалось бы, успех налицо. Но дальнейшие действия были опрометчивыми. Пленного решили доставить в расположение наших войск «своим ходом», то есть заставить ползти, идти вместе с разведчиками. Что ж, в определенных ситуациях это было бы оправданно и допустимо. Однако конвоировать гитлеровца почему-то поручили молодым бойцам. Более опытные остались прикрывать отход. Между тем взрыв гранаты всполошил фашистов. Над траншеей взвилась осветительная ракета. Конвоиры, растерявшись, ринулись к кустам, пытаясь укрыться в них. Всего на мгновение они ослабили наблюдение за пленным. А он, воспользовавшись этим, бросился наутек. Правда, далеко он не ушел – его срезала автоматная очередь одного из разведчиков. Тем не менее вместо «языка» были доставлены лишь его документы.

Случай этот серьезно обеспокоил нас. Действительно, рисковать жизнью, захватить пленного и – самым же упустить его. В чем же причина? Не раз и не два возвращались мы к данному вопросу у себя в разведотделе армии. Кое-кто высказывал мнение, что это всего лишь рядовая неудача. Мол, в ходе боевых действий, а особенно в разведке, нельзя рассчитывать на стопроцентный успех. Однако большинство моих сослуживцев придерживались иной точки зрения: нужно учить разведчиков, тщательно и скрупулезно обобщать передовой опыт, детально анализировать истоки неудач, проявляя при этом объективность и самокритичность. А мы положили руку на сердце на первых порах не уделяли пропаганде боевого опыта надлежащего внимания.

Окончательно утвердиться в этой мысли нам помог член Военного совета армии бригадный комиссар Василий Романович Бойко, которого я знал уже много лет. Думаю, что это дает мне право уже сейчас, на первом этапе повествования, рассказать о нем несколько подробнее.

Василий Романович – мой земляк. Отца его расстреляли деникинцы. Рано осиротев, он в детстве испытал немало лишений. Подростком вступил в комсомол. Вскоре стал секретарем сельской ячейки, активно работал по ликвидации неграмотности, был организатором пионерского отряда.

Большим уважением односельчан пользовался Василий Бойко. Всего двадцать лет исполнилось ему, когда он был избран председателем сельского совета. И люди не ошиблись. Много сделал он для родного села. Лучше стали жить крестьяне, культурнее. Это не осталось без внимания – о селе, о молодом председателе писали газеты.

Однажды С.В. Косиор, который был тогда секретарем ЦК КП (б) Украины, объезжая Черкасскую область, заглянул и в село Водяное, где жил и работал Василий Романович. Естественно, что гость пожелал познакомиться и с председателем сельсовета, о деятельности которого был наслышан. Узнав о гибели отца Василия от рук белогвардейцев, о трудностях, которые пришлось пережить его семье, товарищ Косиор сказал:

– Дорогой ценой заплатили вы за советскую власть. Укрепляйте ее, берегите. Вы где-нибудь учились?

– Самоучка я, – смутился Бойко.

– Это не годится, – нахмурился Косиор. – Без грамотных коммунистов социализма не построишь. Мой вам совет: учитесь. При вашей энергии, да еще с наукой, горы свернуть можно. Обещаете?

– Попробую, товарищ Косиор!

И вот Василий Романович экстерном закончил среднюю школу. Затем пошел служить в Красную Армию, учился в Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Так он стал кадровым политработником.

Боевое крещение комиссар полка Бойко получил во время финской кампании. В самом начале марта 1940 года наши бойцы штурмовали сильно укрепленные высоты на подступах к реке Вуокса. Огонь был настолько плотным, что атакующие подразделения залегли. Понимая, что промедление смерти подобно, Василий Романович поднялся в полный рост и повел за собой остальных. Высота, на которую был нацелен удар, перешла в наши руки.

А вскоре в ходе боев на острове Васи́ка-Саари, когда противник превосходящими силами неожиданно перешел в наступление, комиссар Бойко вновь повел бойцов в контратаку. Но в этом бою Василий Романович был тяжело ранен в грудь. Позиции, занимаемые нашими войсками, удалось сохранить. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

В начале Великой Отечественной войны В.Р. Бойко возглавлял политический отдел 181-й стрелковой дивизии, потом его назначили комиссаром 183-й стрелковой дивизии. В июне 1942 года он стал членом Военного совета 58-й армии, а затем – 39-й армии.

Наши пути сходились не раз. В тридцатых годах мы служили в одной дивизии. Несколько позже неоднократно встречались в Москве. И здесь, в 39-й армии, Василий Романович принял меня по-дружески. Однако во всем, что касалось служебных взаимоотношений, мы держались абсолютно официально. Иначе и быть не могло.

Так вот, именно Бойко и помог нам найти основное направление в работе по подготовке разведчиков.

– Запомните, любые планы в жизнь воплощают люди. Самую идеальную разработку можно провалить, если за осуществление ее возьмутся неучи. Поэтому если разведотдел хочет иметь исчерпывающие данные о противнике, данные объективные, умные, – учите разведчиков. Учите и воспитывайте! Затраты времени и труд окупятся сторицей.

Но как учить разведчиков? Собирать на какие-то сборы, устраивать краткосрочные курсы? Обстановка не позволяла нам использовать такие формы. И все же выход удалось найти. Каждый сотрудник разведотдела армии, выезжающий в части и подразделения, получал как бы дополнительное задание: побеседовать с разведчиками, рассказать им об опыте лучших наблюдателей, бойцов, принимавших участие в поиске.

Учили мы, разумеется, не только на положительных примерах. В ходе таких бесед анализировались и причины отдельных неудач. Как правило, разговор с разведчиками проходил в неофициальной обстановке. Мы не только рассказывали, но и непременно интересовались мнением бойцов и командиров о способах ведения разведки. И часто узнавали много интересного, поучительного.

В.Р. Бойко

Василий Романович Бойко не ограничился добрым советом. Повседневнo интересуясь делами разведчиков, он непреклонно требовал того же от всех политработников.

Часто бывал в разведывательных подразделениях начальник политического отдела армии полковой комиссар Сергей Михайлович Дурдиневский. Он неизменно заботился о том, чтобы в разведку подбирались люди, обладающие высокими морально-боевыми качествами, чтобы весь личный состав был охвачен политико-воспитательной работой.

Пожалуй, еще чаще встречался с разведчиками помощник начальника политотдела армии по комсомольской работе политрук Петр Данилович Минеев. Живой, общительный, он умел удивительно быстро устанавливать контакт с молодежью. И о том, и о сем поговорит, и о положении на других фронтах расскажет, и о письмах из дому расспросит. Но о чем бы ни

шла речь, во всем звучала одна и та же мысль: крепче нужно бить фашистов! И так умел Петр Данилович повернуть разговор, что получалось, будто разведчики – самые важные люди во всей Красной Армии. Слова его вселяли в сердца людей гордость за свою военную профессию, заставляли воевать еще лучше, звали на подвиг.

Горячее слово политработников, коммунистов, безусловно, играло большую роль. Но еще большее влияние на бойцов оказывал личный пример. Уж такой народ фронтовики. Расскажешь – хорошо, покажешь – еще лучше. Вспоминается мне весьма характерный в этом отношении случай.

На одном из участков 178-й стрелковой дивизии долгое время не удавалось захватить «языка». Неудача следовала за неудачей, оказывая гнетущее влияние на разведчиков. Появилась какая-то неуверенность в своих силах. А с таким настроением в разведку лучше не ходить. И тут неоценимую помощь оказал нам старший инструктор политотдела дивизии старший политрук Евмен Прокофьевич Козорез, который часто бывал у разведчиков.

Группа, которую возглавлял сержант Петр Старков, должна была приблизиться к вражеской огневой точке с целью захвата пленного. Незадолго до выхода на задание в землянке разведчиков появился Евмен Прокофьевич. Ознакомившись с планом поиска, он вдруг сказал:

– Иду с вами, товарищи. Буду комиссаром группы.

О том, как проходил поиск, мне доложил по возвращении сержант Старков.

Впереди двигались он и Козорез. Следом за ними – бойцы. Над головами проносились вражеские снаряды, мины, то и дело где-то рядом посвистывали пули. Но старший политрук не останавливался ни на минуту. Там, где возможно, он шел в полный рост. Были участки, на которых разведчики прижимались к земле. Наконец, выбрались в намеченный район. Где-то тут должны быть блиндажи и дзот.

– Знаем, что здесь, – рассказывал Старков, – но ведь ничегошеньки не видно. Неужто снова неудача? А старший политрук жестом дает понять: «Спокойно, будем ждать». Казалось, чего ждать-то? Однако он оказался прав. Вскоре послышались шаги. Вражеские солдаты прошли совсем рядом, но нас не заметили. А еще через некоторое время мелькнула узенькая полоска света из приоткрытой на мгновение двери дзота. Она-то и помогла нам окончательно сориентироваться в кромешной тьме. Выждали еще немного, а потом...

Потом Козорез шепнул сержанту: «Вперед!» – и тут же швырнул гранату. Часть разведчиков открыла огонь из автоматов, отсекая солдат, находившихся в блиндаже. А остальные во главе со старшим политруком уже бежали к дзоту. Один из гитлеровцев, находившихся в дзоте, упал, сраженный пулей. Второй в страхе прижался к стене, закрыв лицо руками. А вокруг уже кипел самый настоящий бой.

– На бруствер не вылезать! – крикнул Козорез.

Пленного вытащили через широкую амбразуру дзота, подготовленную, видимо, для пушки. Следом за ним этим же путем выбрались и разведчики. Обратная дорога была исключительно трудной, однако в самый критический момент на помощь пришла минометная батарея, открывшая отсечный огонь.

Рассказ сержанта Старкова глубоко взволновал меня. Никто не приказывал Козорезу идти с разведчиками. Но он, как коммунист, как политработник, понимал, что его присутствие ободрит их, поднимет дух, поможет выполнить сложное и ответственное задание. И он поступил так, как подсказывало сердце, как того требовал долг.

Мне, после того как я выслушал рассказ Старкова, очень захотелось лично познакомиться со старшим политруком Козорезом. И вскоре такая возможность представилась.

Внешне Евмен Прокофьевич выглядел совершенно обычно, даже, пожалуй, простовато. Но в его глазах светился незаурядный ум. Этот веселый, жизнерадостный человек, как я сразу почувствовал, умел найти подход к людям и пользовался глубоким уважением разведчиков:

к нему шли за советом, с ним делились радостью и горем. А после совместной вылазки в стан врага авторитет политработника возрос еще больше.

Зная, что Козорез и впредь будет проводить политическую работу с разведчиками, я попросил его не подвергать себя опасности без крайней надобности.

– Разве определишь, когда она крайняя? – улыбнулся он.

Командиры и политработники особое внимание уделяли молодежи, которая приходила в разведывательные подразделения. Быстрее ввести новичков в строй, в минимальные сроки передать им накопленный опыт – такие задачи ставились перед нами. Правда, обстановка не всегда позволяла твердо выдерживать эту линию. Случалось, что в поисковые группы включали и совсем молодых, еще не обстрелянных бойцов. Впрочем, подавляющее большинство из них вполне оправдывало оказанное доверие.

В числе молодых разведчиков, отлично зарекомендовавших себя с первых дней, был рядовой Владимир Карпов. Боевое крещение он принял в группе, которой было приказано захватить «языка».

Лейтенант И.П. Казаков, возглавлявший группу, еще днем выдвинул ее на передний край. До наступления сумерек разведчики имели возможность еще раз уточнить основные ориентиры, понаблюдать за противником. Объектом поиска и на сей раз была пулеметная точка, выдвинутая вперед от основных позиций гитлеровцев.

Как только стемнело, прозвучала короткая команда. Первым из окопа выскочил Карпов. Но лейтенант Казаков тут же остановил его.

– Новичку не след лезть поперед батьки. Понял?

– Так точно.

– Пришел в себя? Вот и действуй без суеты...

Я расстался с разведчиками в окопе боевого охранения. Далее они продвигались ползком, замирая на месте всякий раз, когда в небо взлетала осветительная ракета. Не буду вновь останавливаться на тех тягучих минутах ожидания, которые пришлось пережить. На этот раз они были, пожалуй, еще более тревожными. Мы слышали глухие взрывы, короткую автоматную очередь. Случайность или свидетельство того, что разведчики обнаружены? Ответы на эти вопросы мы получили лишь после возвращения группы.

Взволнованные, испытавшие радость успеха, разведчики снова и снова рассказывали друг другу то, что и так было хорошо известно каждому из них. Но видимо, после нечеловеческого напряжения и близкой опасности нужна была какая-то разрядка. Больше всех, пожалуй, говорил Володя Карпов, для которого этот поиск был первым. Его смугловатое, с легким румянцем лицо светилось неумемной радостью, темные глаза лучились. Я невольно любовался им в эти минуты.

– Когда проделали проход и подошла моя очередь ползти под проволоку, – рассказывал он, – вдруг почувствовал, что нет меня. Только одно сердце осталось: бух-бух-бух...

В ход сообщения спустились вшестером, двое остались охранять и расширять проход на случай отхода.

В том изгибе, куда попали разведчики, никого не было. Справа и слева – тоже пусто. Неслышно ступая, двинулись по ходу к высотке, на которой находилась огневая точка. И тут из-за поворота вышли два вражеских солдата. Шли они спокойно, передний даже стал о чем-то спрашивать разведчиков по-немецки. Очевидно, принял за своих связистов.

– И тут, – продолжал Карпов, – над самым моим ухом – короткая очередь. Увидел, как ближний гитлеровец повалился на спину, а второй молча бросился бежать.

Стрелял, как выяснилось потом, один из молодых разведчиков: не выдержали нервы.

Карпов кинулся вслед за убежавшим, настиг его, попытался свалить. Но немец сильным ударом отбросил его и побежал дальше. Видно, только теперь поняв, что происходит, он закричал. План поиска срывался. Тогда Карпов выхватил нож и, думая лишь об одном – прекратить

этот вопль, ударил фашиста. И тут же по стенке окопа застучали пули. Выглянув из-за поворота, разведчики увидели лесенку, ведущую в блиндаж. Гитлеровцы, услышав крик, стреляли из автоматов сквозь закрытую дверь.

Теперь уже нечего было думать о скрытности, о тишине. Лейтенант Казаков бросил гранату под дверь. Взрывом ее сорвало с петель. В тускло освещенный блиндаж полетела вторая граната. Снова взрыв. Свет погас, послышались стоны. Теперь в блиндаж! Но если кто-то там уцелел, автоматная очередь мгновенно прошьет разведчика. А медлить тоже нельзя. Дорога каждая секунда.

И здесь Владимир Карпов швырнул еще одну гранату, швырнул, не выдергивая предохранительного кольца.

Ошибка, порожденная неопытностью? О нет! Тонкий расчет. И заключался он в том, что если кто-то из гитлеровцев уцелел, то при падении гранаты он обязательно ляжет и инстинктивно прикроет голову.

Расчет оправдался. Кинувшись в блиндаж, Карпов среди убитых фашистов обнаружил одного живого. Мало того, совершенно невредимого. Разведчики связали его, забрали документы у мертвых и благополучно возвратились назад. Вероятно, в соседних блиндажах не обратили внимания на взрывы. Мало ли снарядов и мин залетает на передовую даже в часы затишья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.